

А Л Е К С Е Й

ИЛЬИН (13к)

ЕЖИКОВО МОЛОКО

брань! Содержит
18+
нецензурную

ЛитРес: Самиздат

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
**ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА**

Алексей Ильин (13к) Ёжиково молоко

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42013974
SelfPub;*

Аннотация

Весело-циничные рассказы от автора, известного в сети под никнеймом 13к. Обилие табуированной лексики, аморальных высказываний и черного юмора. Несовершеннолетним, беременным и религиозным фанатикам к прочтению не рекомендуется.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Золотой дождь	4
Измена	10
Встреча	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Золотой дождь

– Я хочу, чтобы ты меня обоссал.

– Что? – я поперхнулся дымом от сигареты и уставился на Аню.

– Я хочу, чтобы ты меня обоссал, – упрямо повторила она, с вызовом впялившись мне в глаза.

– Нахуя?

Мы только что закончили заниматься сексом и стояли, куря на балконе. Аня отвела взгляд.

– Понимаешь, это такой фетиш. Мне очень хочется ощутить, как твоя горячая струя бьёт по моему телу, и тёплая моча плавно стекает вниз, – она провела руками по тощим бёдрам, очевидно символизируя траекторию стока, – ты посышь на меня?

– В рот? – уточнил я на всякий случай, вспомнив несколько просмотренных роликов с подобной тематикой, где жирные самки хлебали сливаемый им в пасть «мате» с жадностью верблюдов, только что вышедших из засушливой Сахары. Аня скривилась.

– Фууу, ну нет, конечно. Только на лицо и грудь. И вообще – это такой интимный акт высшего доверия друг к другу. После этого мы перейдём на новый этап отношений и будем всегда вместе.

По моему мнению, с этой функцией отлично справляется

совместная долларовая ипотека и трое детей, но спорить не хотелось.

Мы познакомились четыре месяца назад в городском парке, где Аня вместе с подругой отмечала свой восемнадцатый день рождения, а я подрабатывал, раздавая рекламные буклеты известного обувного бренда. Аня была сексуальна и обольстительна, а я был пьян и искромётно весел. Конфетно-букетный период сроком в одну неделю, секс после третьего свидания на грязной скамейке автобусной остановки, два совместных похода в KFC и поездка с друзьями на районный рок-фестиваль. Я – начинающий консультант салона сотовой связи, с хорошей перспективой карьерного роста до старшего менеджера торгового зала, а она помощник воспитателя в детском саду «Ладушки», отлично делающая минет и замечательно готовящая котлеты по-киевски. Теперь, для перехода на новый этап отношений, я должен был на неё поссать. Расставание в мои планы не входило.

– Хорошо, – сказал я, приспуская резинку своих семейных трусов.

– Нееет. Ты что, дурак? Ну не тут же, – она схватила меня за руку и потянула за собой в ванную.

Я поплёлся за ней, по пути вспоминая, как в ясельной группе во время тихого часа обоссал своего обидчика Петю Гладких, сломавшего мою игрушечную пожарную машинку. А потом он пожаловался воспитательнице, и меня на полчас поставили в угол. Это детское воспоминание было, веро-

ятно, единственным, что могло меня каким-то образом примирить с окружающей действительностью.

В ванной Аня скинула с себя халатик, запрыгнула в чугунную ёмкость со следами навсегда въевшейся ржавчины и, сев на корточки, застыла в напряжённом ожидании готовящегося к прыжку льва.

– Давай, – сказала она, зажмурился глаза.

Я достал член и прицелился ей в лоб. Поссать в лицо помощника воспитателя детского садика «Ладушки» – в этом определённо есть какой-то вызов обществу и морали. Что-то дико революционное и протестное. Это почти как пойти на митинг против действующей власти или записаться в бойцовский клуб, первое правило которого «никому не рассказывать о бойцовском клубе», только при этом тебя никто не будет пиздить и составлять административный материал.

Хотелось бурным напором, словно из брандспойта, сбить её с ног, чтобы она барахталась в моче, захлёбываясь и прося о помощи. В этом есть даже что-то ницшеанское, убеждал я себя, сжимая пальцами вялый член. Но, несмотря на все мои философские измышления, струя почему-то не шла. А я всё острее ощущал себя каким-то золотодожным импотентом, тщательно скрывая нарастающее чувство неловкости перед сидящей в ванне девушкой. Сжав зубы, я собрался с силами и максимально напряг мочевой пузырь, так и не сумев выдать из него ни капли. Аня, поёрзав по дну, приоткрыла глаза.

– Ну что?

– Не получается, – я виновато убрал член в трусы, и отвернулся, – надо что-то попить.

– В холодильнике пиво стоит, – она с азартом выскочила из ванной и пошла со мной на кухню.

Пиво мы пили около получаса.

– И давно ты этого хочешь? – спросил я, допивая вторую бутылку. Она смущённо заулыбалась.

– Ну, ещё с юности, всегда хотелось почувствовать что-то подобное. Просто не было никого подходящего рядом, кому я могла бы открыться и довериться.

Я с пониманием кивнул. Заебись, моя кандидатура оказалась лучшей на роль её ссыкло-дефлоратора. Непонятно только, стоит ли этим гордиться?

– Ну что, ты готов?

Я неопределённо пожал плечами, и мы опять потащились в ванную. Анька привычно заняла исходное положение в центре ёмкости, а я обречённо достав член, вновь прицелился ей в лоб. Я представлял себя священником, готовящимся окропить святой водой очередного покаявшегося грешника. Но струя по-прежнему не шла. Я смотрел в лицо помощницы воспитателя детского садика «Ладушки», обладательницы третьего разряда по альпинизму и любительницы творчества Леены Лехтолайнен, и никак не мог на него поссать.

– Давай... давай..., – подбадривал я сам себя, тряся членом из стороны в сторону, словно безумный шаман-извра-

щенец, вызывающий таким нехитрым образом проливной дождь, спасая своё племя от засухи.

– Ну что там, скоро уже? – нетерпеливо интересовалась ебанутая извращенка, видимо очень спеша перейти на новый этап наших совместных отношений. Хорошо, что ещё не попросила насрать ей на голову.

– Жди, – сказал я, полностью сконцентрировавшись на ощущениях в области мочевого пузыря.

Наконец пиво нашло выход, и долгожданный фонтан ударил в довольную морду грязной фетишистки. Я ссал ей в лоб, в глаза, в уши, на сиськи. Я ссал и не мог остановиться. Хотелось ссать на неё вечно. Последние капли я стряхнул ей на соски. После чего, молча развернулся и пошёл на балкон покурить.

Аня появилась минут через пять. От неё благоухало ароматом какого-то фруктового шампуня и дешёвых духов. Я тщательно принюхался, но ноток мочи в этом шлейфе не проследживалось. Она стыдливо улыбнулась, пряча глаза.

– Малыш, ты не обиделся на меня за такие необычные фантазии?

Я бросил окурочек вниз, проследив за его траекторией, а потом, склонив голову, поцеловал её в висок, ещё раз обнюхав волосы.

– Ну что ты, милая.

В конце концов, у всех есть свои маленькие фантазии и секреты. Ане нравится, когда ей ссут на лицо, а мне нравится

трахать её любимую сиамскую кошку. Главное, что эти секреты делают нас ближе друг к другу и позволяют перейти на новый этап отношений.

Измена

– Она мне изменяет.

После этих слов пьяное тело, сидящее напротив меня, залило себе в глотку очередной стакан косорыловки, громко икнуло и обиженно засопело. Я сочувственно похлопал его по плечу, и заглянув в осоловелые глаза, сбаянил:

– Хуёвые твои дела, брат. Видимо у тебя пиздец как не хватает кальция в организме, раз рога до сих пор не выросли. Ты бы витамины какие попил, что ли, – и протянул ему упаковку аскорбинок, оставшуюся от предыдущих хозяев квартиры, милых старичков, практикующих лечебное голодание, уринотерапию и прочую народную медицину.

Безумный Макс припёрся ко мне с утра. На самом деле, по паспорту он Паша Кравцов, но иначе как Безумный Макс его не называл никто, ещё с младшей ясельной группы. Я хуй его знаю, что за насекомые свили гнездо в его покосившемся скворечнике, но в моём личном рейтинге ебанутости среди знакомых он занимает всю пальму первенства с отрывом, как Бугатти Вейрон на велогонке «Тур де Франс».

Особенно после того случая, когда во время празднования Нового Года его подружка Анечка сказала, что предпочитает исключительно обрезанные хуи, так как это ниибоц эстетично, гигиенично, бонтон и лакшери. На что Макс, тут же достав свою залупу, и разместив её на праздничном столе,

аккурат между салатом оливье и корейской морковью, при помощи кухонного ножа обстружил её, как чертёжный карандаш «Картограф», прямо в присутствии всех гостей, а потом для дезинфекции окунул в стакан с шипящей бормотухой. Такая импровизированная брит мила. Кстати, подружка то ли впечатлившись подобным гусарством, то ли запав на экстравагантный половой хуй своего гардемарина, впоследствии вышла за Макса замуж. Хули, ебанутые всегда друг к другу тянутся.

А теперь Макс сидел у меня на квартире с ебальником, напоминавшим портреты учёных в школьном кабинете химии, которые смотрят куда-то вдаль, и явно ахуевают от объёма информации, накопившейся в их чердаках, а также от того, сколько проблем их открытия потом принесут малолетним апездалам на экзаменах. Я даже немного насторожился, ибо последний раз в таком состоянии я его видел, когда в седьмом классе мы посмотрели Одиссею капитана Кусто, и Макс несколько недель ходил замороженный, обдумывая, как же и ему с головой окунуться в завораживающий подводный мир Атлантического океана? После чего, этот ихтиандр спиздил из подсобки у военрука противогаз, и в припадке безумного пароксизма упиздил погружаться в полноводную реку Кубань, курсом школа-речка-побыстрей. Как позже выяснилось, противогаз – хуёвая альтернатива аквалангу, а военрук нихуя не соблюдает Женевскую конвенцию по обращению с военнопленными и основные принци-

пы ювенальной юстиции.

После непродолжительного молчания, Макс вновь сказал:
– Она мне изменяет.

И ещё что-то про колдовство, битву экстрасенсов и цыганский табор, который традиционно съёбывается в небо безо всякого, блядь, скафандра.

Оказывается, на днях Макс шароёбился по рынку, выбирая картошку, морковку и прочие, блядь, корнеплоды, я хуй его знаю, чего там не хватало в его продуктовой корзине. И тут, хуякс, к нему цыганка подплывает. Таких, обычно, ещё в передачах криминальной хроники показывают регулярно, типа, «пожилая бабушка Зоя по дороге в районную поликлинику была загипнотизирована коварными цыганскими мошенниками, отдала им всю свою пенсию, а потом сошла с ума, уехала в Армавир и стала элитной проституткой Илоной». И потом ещё в конце говорят, внимательно посмотрите на эти уёбищные лица, если вы вдруг тоже пострадали от действий этих криминальных элементов, то вы нам обязательно позвоните, и мы все вместе поржём с вашего долбобизма, телефон два-два-два-три-три-три, спросить Валеру (звонок платный).

И вот эта блядская Кармелита Максусу втирает – «позолоти ручку, я тебе всю правду скажу, што было, и што, бля, будет. А если хочешь, могу ещо и наколдовать, што хуй в два раза увеличится безоперационно». Такой, блядь, Амаяк Акопян на пенсии. А Макс и без того был ни дохуя адекват-

ный, а после армии вообще на всю башку простужен, особенно по отношению к различным меньшинствам сексуальным и национальным: евреям, цыганам, кавказцам и остальным бурятам. Так что сразу приветливо пресёк всю эту иллюзию обмана, пообещав наколдовать цыганке волшебных пиздюлей, и чем медленней она съебётся за границу слияния неба с земной поверхностью, тем больше этих чудес ей за шиворот насыплется. Цыганка, конечно, обиделась, как Хиллари Клинтон, которой вместо работы в Овальном кабинете предложили торговать беляшами на Рижском вокзале, и запиздила дальше в ряды с бананами старых кочерыжек гипнотизировать. А на прощание ещё пробурчала.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но она тебе изменяет, вот те крест.

Пиздец, короче, пророчество индейцев майя. Только у Макса от этой мантры совсем кукушка съехала по оси координат, а на периферии междушного пространства зазвучала мелодия популярной песни в исполнении ВИА «Хенде Хох»: «Чужие губы тебя ласкают».

Заморочился шопесдец. Стал он ежеминутно обдумывать, а вдруг не спиздела эта Ванга хуева? Вдруг действительно ебётся его ненаглядная Анечка где-то на стороне не хуже той актрисы из короткометражки «Очкастый студент долбит очко своей бухой соседки по общежитию», и возможно даже с какими-то чучмеками в два смычка? Это ж пиздец какой несолидный для его семейного очага натюрморт вырисовывает-

ся, кисти неизвестного художника. Подозрительным сделался, как Мюллер при виде Штирлица в тельняшке и с татуировкой ВДВ, то улыбка ему у жены кажется какой-то ненатуральной, то тапочки не на том месте стоят, где обычно. Даже перископ купил у какого-то отставного мичмана, чтобы в окна с улицы заглядывать, и пару раз домой раньше времени возвращался. А признаков адюльтера не больше, чем лобковых вшей в трусах у шестидесятилетней монашки девственницы из ордена Сестёр Святейшего Сердца Иисуса.

– Мне нужна твоя помощь, тринадцатый, понимаешь?

Хуя себе, поворот.

– Тебе, – говорю, – Макс, помощь хорошего психолога нужна. Он тебя на кушетку положит, истории твои бредовые послушает, потом чек выпишет и на хуй пошлёт. Ну, может ещё какие витамины пропишет, чтобы в твоём котелке хрючелово через край не переливалось.

И вновь, на всякий случай, заботливо протянул ему упаковку с аскорбинками на закуску. Но Макс уже завёлся, хули, у него в башке походу безостановочно ролики циркулируют, где рота грузин в эсесовской форме его Анечку в интердевочки массово посвящают.

– По-братски прошу, проследи за моей Аней пару дней, я в долгу не останусь, атвичаю.

А у самого глаза горят безумно. Гиперболоид инженера Гарина, нах. Мне даже очково стало, что занавески от подобной еболы загорятся, а у меня дома из всех средств пожаро-

тушения только хуй. Выпил я ещё один стакан, и обстоятельно ему отвечаю:

– Ну его нахуй, в замочную скважину подсекать, как твою Аничку какие-то отщепенцы пялят. Нездоровая это хуйня. А если ещё на это подروحить, то вообще вуайеризм какой-то в анамнезе. В пизду такие девиации.

Выгнал, короче я этого еблана ревнивого. А через неделю он опять ко мне припёрся.

– Пиздец, – сказал он ёмко и лаконично, и сожрал всю упаковку аскорбинок. Причём по его виду было очевидно, что это действительно Пиздец. В общем, этот Отелло окончательно мутировал в Карацупу со сторожевым бультерьером Индус, и всю неделю безрезультатно караулил пизду своей Дездемоны от вероломных покушений извне. Всё больше склоняясь к тому, чтобы приковать супругу к батарее и пиздить резиновым шлангом по голове, пока она сама во всём не сознается. Пока однажды, выйдя на работу, он не забыл дома шапку. Пришлось возвращаться, хули, без шапки ни разу не комильфо в Карбышева зимой играть. Я так однажды уши себе отморозил. Неделю потом как Чебурашка ходил, в поисках своих друзей, пока опухоль не спала, и голова в дверной проём не пролезла. Ну и когда он возвращался, как на зло ещё лифт сломался нипадецки. Техногенная, сцуко, катастрофа и ниибёт.

В лифте хорошо застревать, если ты герой зарубежного фильма. Потому что там по сюжету с тобой обязательно ока-

жется симпатичная мулатка, которая через пять минут заточения жадно отсосёт твой горячий болт, а через десять даст в жопу. Потом к вам присоединится сексуальная лифтьёрша и, вместо ремонта грузоподъёмной машины, отлижет пизду этой мулатке, предварительно засунув туда по локоть свой кулак. Полный даст ист фантастиш и гитлер капут.

В реальной жизни всё вообще нихуя не по этому сценарию происходит. Вместо мулатки с Максом чурек какой-то застрял. В пизду такие порнофильмы, если что. Макс, блядь, на работу опаздывает, а этот еблан стоит с букетом цветов в культяпках, видимо тёлке какой настроился присунуть с утра пораньше. Не просто же так он с этим веником по улицам шароёбится, флорист хуев, и улыбается ебальником довольным, как ведущий дядя Володя из популярного ток-шоу «Спокойной ночи, малолетние ублюдки».

Не знаю, кто как, но лично я вообще нихуя не доверяю людям, способным по утрам улыбаться. Хуй проссышь, что за хлам у них во флягах пылиться. Может они в день летнего солнцестояния ебут трупы красноухих черепашек, или, обмазавшись говном, суют себе в жопу жареные гусиные головы, надрачивая при этом по фэншую на фотографию Евгения Петросяна. Но, по-любому, у них со скворечниками не всё ровно, раз они способны спозаранку на такие отчаянные ужимки.

Макс тоже поначалу насторожился, а потом ничего, пока лифт стоял, даже разговорились. Этого бабая Анзором кли-

чут. Ну он Максу и говорит, что к девушке торопится. Ну как, к девушке... «к лубовницэ, брат спищу...». И подмигнул ещё так, сцуко, хитрожопо. «Дэвушка – пэрсик, атвичаю, брат. Аничкой зовут. А муж казьел какойта, на работе сийчас. На сидьмом этаже живут, да...». Он ещё что-то хотел добавить про ёбанных лифтёров и мэрэ кунем их ближайших родственников, но не успел, потому что Макс со скоростью разъярённого гепарда, догоняющего бухих братьев Запашных, уже приступил к тотальному тюнингу его ебальника. Ну а хули, не надо быть дохуя Лобачевским, чтобы определить, что у них в подъезде на седьмом этаже только три квартиры, в одной из которых живёт потомственный синяк в третьем поколении – дядя Коля, в другой престарелая пара маразматиков деда Миши и бабы Шуры – ровесников Второй Пунической герильи, героев Куликовской битвы и взятия Бастилии, а в третьей – Макс со своей ненаглядной. Такая, ниибачо, шарада с тремя неизвестными.

Когда лифт открыли, Анзорик уже успел просмотреть перед глазами всю свою скоротечную жизнь, и всю готовился встретиться с дедушкой Месропом и тётёй Барият, последние десять лет наблюдавшими за ростом картошки исключительно со стороны корневой системы, а Макс уже окончил колотить его монитор и старательно пытался засунуть букет ему в жопу. Увидев открытую дверь, Анзор на всех мослах пополз в сторону седьмого этажа, развивая при этом скорость на порядок превышающую установленную прави-

лами дорожного движения, а Макс, сломя голову, побежал на улицу. В башке у него созревал план мести. Бессмысленный и беспощадный. Как передача «Фитиль», если её показывать на китайском языке с сурдопереводом.

Первым делом он взял свой телефон и отправил с него рассылкой по всем контактам видеоролик, где он свою благоверную отчаянно сношает в ротовую полость, со всей пролетарской ненавистью. Как-то снял, шутки ради, и всё вот руки не доходили удалить. Он там ещё ей на лицо кончает, от чего у неё тушь потекла и круги под глазами такие прикольные – я ебу панду кунг-фу, называется. По-любому, всем должно понравиться. Особенно её тётке Софе из Бердянска. Эта чопорная пизда, когда к ним в гости приезжала, даже при слове «писька» морщилась, как будто говна кусочек на бутерброд ей намазали, вместо чёрной икры.

Потом он позвонил Ане на работу и, представившись её мужем, сказал, что она в этом ёбаном шапито больше не работает. Ибо, ну его нахуй работать в организации, где начальник – пассивный пидорас и копрофаг, главбух пиздит деньги и ебётся с клерками, а их секретарша – проститутка на пенсии. Сказать, что они удивились, это как сказать, что в пизде Вупи Голдберг немного пасмурно.

Затем он тщательно разрисовал ржавым гвоздём её четырёхколёсный пепелац граффити, в стиле «умри в корчах, мудоблядская твареёбина», и перечислил все деньги с их карты на счета благотворительных организаций. Пусть теперь,

сука, при разводе отсуживает эти бабки у Гринписа, фонда «Обожжённые зоной» и адвентистов седьмого дня, сказал он себе, радостно потирая при этом руки.

И в довершение всего, он пошёл к своей горячо обожаемой тёще, Тамаре Фёдоровне. Когда эта ничего не подозревающая женщина открыла дверь и, глядя на его обезумевший ебальник, недоумённо раззявила снабжённый искусственной челюстью пищеприёмник:

– Максимушка, а што такое случилось?

Он ей сказал, что такое случилось. Что её Аничка – ёбаная блядь, и она сама старая ёбаная блядь, раз вырастила такую дочь. И её мама тоже ёбаная блядь, и все они ёбаные бляди, и очень странно, что это не записано у них в паспорте вместо фамилии. А потом он сделал то, о чём мечтал с самого момента регистрации в ЗАГСе. Он чётко провёл ей двоечку точно в челюсть. Когда туша гулко рухнула на пол, Макс пнул её пару раз ногами, а потом расстегнул ширинку и помочился на голову пожилой одинокой женщине, громко напевая популярную отечественную рок-композицию «Я свободен... я забыл, что значит страх... я свободен, словно птица в небесах». Оставалась кульминация. Навестить Анечку и поговорить лицом к лицу с этой коварной блядиной, так бездарно пустившей по пизде их семейную ячейку.

Поднявшись к себе на лестничную площадку, Макс нажал кнопку звонка. В этот момент распахнулась дверь соседней квартиры алкоголика дяди Коли, из которой выскочил с на-

глухо зашторенным бинтами монитором Анзор. Следом за ним выбежала приятная девушка, которая чмокнула его в щёку и заскочила обратно. Анзор, увидев Макса, несмотря на то, что мусульманин, трижды перекрестился, шарахнулся в сторону и шустро съехал вниз по лестнице. А Макс стоял, слушая, как жена открывает дверь изнутри, вспоминая, как ещё вчера она ему говорила, что дядя Коля неожиданно сдал свою квартиру какой-то молодой семейной паре, а сам уехал на дачу культивировать ромашки и кабачки.

Теперь Макс сидел у меня в квартире и долго молча смотрел в одну точку. Затем он так же молча прошёл на кухню, взял топорик для рубки мяса и направился к выходу.

– Куда? – спросил я больше из любопытства.

– Искать цыганку, – ответил Макс, и закрыл за собой дверь.

Я задумчиво посмотрел на календарь и подумал:

«Хорошо, что сегодня среда, и с Аней мы договорились встретиться только в пятницу».

Встреча

Ебать бывших однокурсниц нехорошо, особенно тех, которых ты раньше сильно и безответно любил. Это аксиома. В этом совокуплении есть элемент какого-то особо циничного и воинствующего вандализма. Это как в очередной раз взорвать храм Христа Спасителя и построить на его месте аквапарк и пару торговых центров, это как публично насрать на портрет «Моны Лизы», или сдать на пункт приёма металлолома монумент «Родина-мать зовёт», предварительно распилив его при помощи болгарки на небольшие куски. Хотя, насчёт храма Христа Спасителя я до конца не уверен. В общем, в процессе подобной сакральной ебли происходит разрушение всех святых основ и идеалов, которые тебя когда-то окружали.

Именно об этом я думал, вставляя свой напряжённый член в Танину пизду. В пизду бывшей первой звезды нашего курса медицинской академии.

Двадцать лет назад она была сумасшедше красива и недоступна, как закрытая вечеринка на яхте у одного из олигархов для нищего студента из провинциального Хуево-Кукуево. В неё были влюблены все парни нашего ВУЗа и некоторые девушки тоже. Ей дарили цветы, писали стихи, и ради неё развивали двуглавые мышцы рук, сдрачивая в кровь свои мозолистые ладони. Я тоже дрочил, при этом регулярно

представляя, как обязательно защищу её ночью от нападения злобных хулиганов, в последний момент вынесу из руин при землетрясении, или спасу во время пожара, вытащив на своём горбу из пламени, а потом она непременно отдастся мне на лепестках роз под музыку Вивальди. Я же романтик, хули. Но пожары у нас не случались, сейсмологическая активность была в пределах нормы, а хулиганы сами провожали её домой. Мне оставалось только дрончить, сливая всю свою неразделённую к ней любовь в канализацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.